

Русские торги в Женеве | Ventes russes à Genève

Author: Надежда Сикорская, [Genève - Женева](#), 01.12.2014.

Вазочки работы мастера Карла Тегелстена, Санкт-Петербург, 1846 год
Аукцион «на русскую тему», традиционно проводимый Hôtel des Ventes в декабре, стал уже столь же неотъемлемой частью женеvской жизни, как всемирное автошоу или Международный часовой салон.

|
La vente sur le « thème russe » organisée chaque décembre par l'Hôtel des Vente, est devenue autant une partie intégrante de la vie genevoise que le Salon de l'auto ou le Salon international de la Haute Horlogerie.

Ventes russes à Genève

Ни один представитель аукционного дома не может гарантировать, что каждый год ему в руки будут попадать эксклюзивные сокровища, о которых никто не слышал, которые никто не видел и цены которым нет. Женевский Hôtel des Ventes не исключение. «На этот раз мы не будем выставлять на продажу ни письма Николая II Великому князю Николаю Николаевичу Романову, ни переписку членов семьи Александра II, ни личный дневник Николая I, – скромно комментирует глава Hôtel des Ventes Бернар Пиге. – В каком-то смысле торги этого года – скорее дань традиции. Впрочем, есть и очень интересные лоты».

Вот именно. Такие интересные, что скромность господина Пиге кажется нам не ложной, конечно, но уж точно неоправданной. Побывав в закромах аукционного дома задолго до торгов, мы смогли собственными глазами увидеть и даже подержать в руках несколько отобранных предметов. Судите сами, заслуживают ли они внимания.

Чудом дошла до нас элегантно-строгая тарелка из знаменитого «ропшинского» сервиза, сделанного на Императорском фарфоровом заводе во второй половине 1800-х годов, в эпоху царствования Александра II, о чем свидетельствует соответствующее клеймо. Тарелка украшена по внутреннему краю золотым на бирюзовом фоне узором из пальметт (так называется растительный орнамент в виде веерообразного листа пальмового дерева) и цветов лотоса, в центре – золоченый двуглавый орел. Представьте себе, что из этой тарелки кушали обитатели и гости бывшей царской резиденции, Ропшинского дворца, откуда происходит и название сервиза. Изначально небольшую усадьбу с деревянными строениями и регулярным садом построил в деревне Ропша, располагающейся сегодня в Ломоносовском районе Ленинградской области, Петр Первый.

Тарелка из Ропшинского сервиза, Императорский фарфоровый завод, 1855-1881

В 1714 году он пожаловал ее своему сподвижнику Федору Ромодановскому. После смерти последнего в 1717 году усадьбу унаследовал его сын Иван. В 1722 году он

отдал ее в приданое своей дочери Екатерине, вышедшей замуж за Михаила Головкина (сына сподвижника Петра I Гавриила Головкина). В 1742 году Михаил Головкин был отправлен в ссылку, а усадьба конфискована в собственность казны. В усадьбе бывала, приезжая на охоту, Елизавета Петровна, которая незадолго до смерти подарила Ропшу наследнику престола Петру Федоровичу, будущему Петру III. Именно здесь император Петр III после недолгого правления погиб при невыясненных обстоятельствах в 1762 году. Затем Екатерина II пожаловала Ропшу Григорию Орлову, при котором усадьба была заброшена и пришла в упадок. В 1785 году Ропшу приобрел один из богатейших людей екатерининской эпохи Иван Лазарев, придворный ювелир с 1764 года. В 1801 году Лазарев продал усадьбу Павлу I, который вскоре был убит.

Усадьба, связанная с именами Н.А. Некрасова, И.А. Гончарова, И.И. Панаева и внесенная в состав памятника Всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников», пребывает в плачевном состоянии – поиск денег на ее восстановление ведется уже много лет.

Парные кувшины для воды из граненого стекла с оправой горла, завершающейся серебряной откидной крышкой в форме вздыбленного коня, были созданы в 1885 году серебряных дел мастером Константином Линке для знаменитого Дома К.Э. Болина. Прародителем Дома был выходец из Саксонии Андрей Ремплер, основавший свою фирму в Санкт-Петербурге еще в 1796 году. Его дело успешно продолжили зятья – швед Карл Эдуард Болин и немец Эрнст Ян. В то же время младший брат Болина, Хенрик Конрад, развил дело, открыв в Москве, на Кузнецком мосту в доме №12, магазин серебряных изделий, отвечающих традиционному русскому вкусу. Сначала московским филиалом управляла Мария Линке, затем он перешел к ее сыну Константину. В 1850 году Дом К.Е. Болина получил звание придворного ювелира.

Парные кувшины для воды, Дом Болина, 1885 г.

Имена партнеров стали известны далеко за пределами России после успеха на Всемирной выставке 1851 года в Лондоне, где произведения фирмы мастеров из Санкт-Петербурга Болина и Яна удостоились самой высокой похвалы. После смерти Карла Эдуарда его дело продолжили в Санкт-Петербурге его сыновья Эдуард и Густав, сумевшие еще улучшить репутацию Дома. На Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге в 1870 году Дом «Карл Эдуард Болин», чье имя к этому времени носила фирма, был признан лучшим ведущим российским ювелиром.

Параллельно Вильгельм Андреевич Болин, сын московского Хенрика Конрада, открыл летний филиал фирмы в курортном немецком городке Бад-Хомбурге. Этот филиал в 1914 году, с началом Первой мировой войны, был переведен в Стокгольм. Пока искали новое помещение, ценнейшие изделия Болина хранились в сейфе банка Энскида в Старом городе Стокгольма, позже банк согласился выделить Болину небольшой салон для приема клиентов в своем новом офисе на Кунгстардгардсгатан, 10, а к сентябрю 1916 года все было готово для официального открытия стокгольмского магазина, которое состоялось в торжественной обстановке, в присутствии шведского короля Густава V. С тех пор фирма Болин – поставщик драгоценностей Его Королевского величества.

Несмотря на все эти трудности, Болины продолжали поставлять новые дизайны для российского двора, надеясь, что после войны они смогут расширить бизнес в России. Время показало, что решение о переводе фирмы в Стокгольм стало ее спасением: после революции 1917 года Болины потеряли всю имевшуюся в России собственность.

Настольные часы, изготовленные мастером Хенриком Вингстромом для Дома Фаберже в Санкт-Петербурге в 1908 году, кажутся такими хрупкими, что до них страшно дотронуться. Их техническое описание звучит так: оправа круглой формы из позолоченного серебра, по краю – резной узор из листьев, окаймление из жемчужно-белой эмали, гильошированной волнами. Белый циферблат с черными арабскими цифрами и стрелками из розового золота украшен мелким жемчугом, задняя крышка покрыта пластинкой из слоновой кости с поперечной планкой с узорами из позолоченного серебра. Четко виден инвентарный номер – 10312. Но разве все это передает невероятное изящество часов, которые одинаково прекрасно смотрелись бы и в дамском будуаре, и на солидном письменном столе?

Создатель часов, Хенрик Вингстром, родился в 1862 году в Финляндии, в профессию вошел в качестве подмастерья. Деловые связи владельца принявшей его мастерской в итоге привели Вингстрома в Санкт-Петербург. В 1884 году Михаил Першин, чья мастерская работала исключительно на Фаберже, взял его в помощники. После смерти Першина Вингстром принял управление мастерской. Именно Першину и Вингstromу принадлежит авторство большей частью знаменитых Пасхальных яиц, свидетелей их искусства в работе с драгоценными материалами, их художественного таланта, вкуса и видения.

Исключительность этого лота

Настольные часы, Дом Фаберже, Санкт-Петербург, 1908

еще и в том, что приобретший его станет лишь вторым по счету обладателем изумительных часов за всю столетнюю с хвостиком историю их существования. Они попали к Бернару Пиге от наследников первого владельца – графа Дмитрия Петровича Бутурлина (1763–1829), тайного советника, сенатора, с 1809 по 1817 год бывшего директором Эрмитажа, не принимая, впрочем, по свидетельствам современников, участия в управлении музеем.

Генеалогия старинного боярского рода прослеживается до XI века. Дмитрий Петрович – единственный сын графа Петра Александровича Бутурлина от брака с графиней Марией Романовной Воронцовой, его крестной матерью была Екатерина II, пожаловавшая крестника у купели сержантом гвардии. Дмитрию Петровичу было всего два года, когда умерла его мать, и он воспитывался у своего дяди – холостяка Александра Романовича Воронцова, будущего канцлера Российской империи.

Благодаря дяде Дмитрий Петрович с юных лет увлекался передовыми воззрениями эпохи Просвещения, был страстным поклонником Вольтера и Руссо. Просил императрицу отпустить его в Париж, где началась революция. Получив отказ, в знак протеста в возрасте двадцати двух лет вышел в отставку. Оставив двор, Бутурлин перебрался в Москву.

Впоследствии, послушав жену, он вернулся на службу, но его карьера не была блестящей. Достигнув чина тайного советника и звания действительного камергера и сенатора, но не имея при этом ни одного ордена, он вышел в отставку в 1817 году и навсегда покинул Россию и поселился во Флоренции. В 1824 году он купил расположенный в центре города старинный ренессансный дворец маркиза Никколини, именуемый с тех пор Палаццо Бутурлин. Здесь он начал собирать новую библиотеку, под стать российской, насчитывавшей более 40 тысяч томов. Незадолго до начала Второй мировой войны потомки графа Бутурлина переехали в Давос и до сих пор часто бывают в Швейцарии.

Кубок работы Павла Овчинникова, вторая половина 19 в.

Еще один лот из собрания графа Бутурлина – набор из трех трёхъярусных ваз для фруктов, печенья или конфет из русского серебра и хрусталя рубинового цвета. По-французски этот элегантный предмет сервировки называется *serviteur muet*, что в переводе означает «немой слуга». Вазочки на серебряных ножках в форме листка аканта имеют четкий провенанс – клеймо мастера Карла Тегелстена, изготовившего их в Санкт-Петербурге в 1846 году.

Обратите также внимание на конический кубок из русского позолоченного серебра и перегородчатой эмали с декором из цветов и листьев. Его украшает клеймо императорского серебряных дел мастера Павла Овчинникова. Павел Акимович Овчинников (1830 - 1888) родился крепостным князя Волконского. Рано проявивший способности к рисованию мальчик был отправлен для их совершенствования в

Москву в мастерскую золотых и серебряных дел, принадлежавшую его брату А.А.Овчинникову. Проведя там восемь лет подмастерьем и оказавшись, вероятно, очень способным учеником, Павел Овчинников получил вольную, а в 1850 году женился и на 1000 рублей приданого жены завёл самостоятельное дело, которое впоследствии стало одним из главных ювелирных предприятий Москвы. В 1853 году он основал фабрику золотых и серебряных изделий, которая специализировалась, в частности, на изделиях из эмали в древнерусском стиле.

Этот изящный кубок был приобретен швейцарским коллекционером на аукционе Sotheby's в Женеве в 1994 году, а теперь попал к Бернару Пиге.

Еще два лота были приобретены Бернаром Пиге в знаменитом нью-йоркском антикварном магазине A la Vielle Russie. Первый – это фарфоровое пасхальное яйцо цвета бычьей крови, украшенное золоченым вензелем императрицы Марии Федоровны. Известно, что оно было сделано на Императорском фарфоровом заводе в эпоху царствования Александра III и уже позже укреплено на подставке из позолоченного серебра. Второй – прекрасно сохранившаяся трехстворчатая икона, написанная около 1800 года. На ее створках изображены святые мученики Иулитта и Кирик, Сошествие в ад и несколько святых. Эта портативная икона, в закрытом виде представляющая собой аккуратный металлический ящичек, содержит маленький ковчежец для хранения реликвий. Заглянуть в него сотрудники аукциона не решились, так что будущего владельца ждет сюрприз.

От редакции: Со всеми лотами можно ознакомиться на предшествующей торгам выставке, которая пройдет 5-7 декабря по адресу Hôtel des Ventes, rue Prévost-Martin 51, 1205 Genève. А сам аукцион состоится там же, 8 декабря.

Трехстворчатая икона в раскрытом виде, ок. 1800 г.

[Женева](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/russkie-torgi-v-zheneve>